

М 2101329

Т.САПРОНОВ

**ЛЕНИН
В ГОРКАХ**

КРЕСТЬЯНСКАЯ ГАЗЕТА

ТИМОФЕЙ САПРОНОВ

0.32538 ✓

Ф. Ленин

335

С. 19

ЛЕНИН В ГОРКАХ

(ВОСПОМИНАНИЯ)

Проверено 1935 г.

Проверено 1936 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРЕСТЬЯНСКАЯ ГАЗЕТА“
МОСКВА — 1926

УДК 62-72

13222

СОУНЬ ИМ. В. Г. БЕЛИНСКОГО
<http://book.ugais.ru/>

М 210/329 22

Свердловская
обл. универсальная
научная библиотека
им. В. Г. Белинского

Главлит № 56.986.

Тираж 15.000.

Тип. „Красная Печать“ при Изд. Ком. Акад. Остоженка. 10.

Владимир Ильич Ленин на отдыхе в Горках в 1922 году.

1.

Тревожные дни для советской власти летом 1918 года: лево-эсеровское восстание, мелкие и крупные заговоры контр-революционеров, а тут еще убийство посла кайзера—Мирбаха ¹⁾—создали такую обстановку что опасались наступления немецкой армии на Петроград и даже на Москву. Положение было настолько тревожно, что партия готовилась к переходу на нелегальную работу. Помню, как пишущему эти строки пришлось по заданиям т. Свердлова организовать при московском губисполкоме целую мастерскую по фабрикации паспортов. Тогда мы из старых архивов губернатора, мецанской управы и волостных правлений набрали большое количество старых паспортных бланков. Смывали эти бланки и снова их заполняли, главным образом, на имя лиц уже умерших. (С такими паспортами жизнь безопаснее, так как собственник их уже не найдется). Подделывали подписи, начиная от волостных старшин и кончая подписью

¹⁾ Мирбах был послом царской Германии, присланный в Советскую Россию после заключения Брестского мира. Левые эсеры были против Брестского мира, за продолжение войны с Германией. Установившийся мир они во что бы то ни стало хотели нарушить и начать войну с Германией против воли Советской России. Поэтому они решили убить Мирбаха и тем самым вызвать Германию на войну с Советской Россией. Одновременно с этим они хотели захватить власть в свои руки и начать войну. Заговорщики были Советской властью разбиты.

губернатора Джунковского. Это делалось на тот случай, чтобы, если победит контр-революция, подпольную (тайную) революционную работу вести, проживая под чужими паспортами.

Неожиданно рабочий класс поразило известие, что предательским выстрелом эсерки Каплан тяжело ранен В. И. Ленин. Ни тени растерянности, колебаний среди рабочих. Ответом с их стороны было сплочение, самоорганизация и требование беспощадной борьбы с контр-революцией, откуда бы она ни исходила. „Смерть заговорщикам против Советской власти!“ — таков был боевой клич рабочего класса. В свою очередь, контр-революция не унималась и, как будто бы перед последним издыханием, проявляла свою деятельность. Борьба велась не на жизнь, а на смерть.

И вот в такой-то момент получаю приглашение от покойного тов. Ногина зайти к нему по какому-то делу.

Прихожу. Товарищ Ногин попросил своего секретаря оставить нас вдвоем и тайно начал.

— „Вы знаете, какое тревожное положение. Не исключена возможность какого-нибудь контр-революционного переворота“. И тут же спохватывается, убежденно добавляет.

— „Конечно, для этого никаких данных налицо нет, и теперь мы сильнее, чем несколько недель назад, но ведь мы, большевики, всегда должны готовиться к худшему и не дать себя застать врасплох“.

И на эту тему тов. Ногин говорил несколько минут вкрадчиво и осторожно. Я никак не мог понять, о чем собственно идет речь. О том, что нужно ко всему быть готовым, я уже много времени назад

говорил с тов. Свердловым и получил от него соответствующие распоряжения и указания, да и положение товарища Ногина было не таким, чтобы он мог давать какие либо распоряжения от имени Центрального Комитета партии или от верховных органов Советской власти, так как он в этих органах не состоял. Он был Народным Комиссаром Труда Московской Области. Наконец, он говорит:— „Необходимо во что бы то ни стало принять меры к сохранению Владимира Ильича“.—Я подумал, что в здравьи тов. Левина наступило сильное ухудшение и сильно заволновался. Виктор Павлович Ногин, не дождавшись моего вопроса, поспешил успокоить:— „Не пугайтесь, не пугайтесь, с раной у него не так уж плохо, врачи уверены, что Владимир Ильич поправится. Я говорю о другом. Владимира Ильича нужно вывезти из Москвы в какое-либо укромное местечко. Это необходимо по двум причинам: во-первых, ему нужен для лечения свежий деревенский воздух и там он будет от дел подальше, его не будут беспокоить, а, во-вторых, и это самое главное, необходимо Владимира Ильича спрятать в такое место, чтобы в случае каких-либо событий в Москве мы были бы уверены, что его не смогут найти контр-революционеры. Конечно, если бы тов. Ленин был здоров, он сам бы принял всякие меры и не заставил бы о себе заботиться, а сам позаботился бы о других“.

— „Так как вы, тов. Сапронов, хорошо знакомы с местами Московской губернии, то мы вот и полагаем бы, чтобы вы занялись подысканием соответствующего места. Да как можно поскорее. Имейте в виду, что это нужно сделать так тайно, чтобы никто об этом не узнал. Это делается узкою группой личных

друзей Владимира Ильича, в частности, Мария Ильична (сестра тов. Ленина) этим вопросом очень озабочена“.

Тут же тов. Ногин мне посоветовал поселить Владимира Ильича в избе какого-нибудь крестьянина под видом какого-либо больного приезжего родственника, на что я ему возразил, что если искать надежное и безопасное место, так это не деревенскую избу, а рабочую каморку. У нас в Московской губернии есть такие заводы, которые из себя представляют целую вооруженную крепость и уж там-то Владимир Ильич будет в безопасности.

— „Это-то—да“ — возразил Виктор Павлович — „но там ведь стоит кому-либо увидеть тов. Ленина, сейчас же его узнают, а нам нужно найти такое место, чтобы никто и не подозревал, что там живет Владимир Ильич, чтобы его никто не мог узнать и разгласить это“.

Для меня было ясно, что в Московской губернии нельзя было найти такой деревни, чтобы не узнали Владимира Ильича, так как почти в каждой деревне имелись его портреты. Да если еще принять во внимание, что крестьяне родственников друг друга знают наперечет, появление же нового человека вызовет интерес всей деревни и тов. Ленин неизбежно будет узнав.

Эту мысль я тут же высказал тов. Ногину, но дальше мы этого вопроса обсуждать не стали. Получивши от меня заверения, что соответствующее помещение будет найдено, тов. Ногин, прощаясь, сказал:

— „Меня интересует безопасность Владимира Ильича, а где и какое это будет помещение, меня мало интересует, и поэтому в дальнейшем, когда помещение

будет найдено, вы будете иметь дело с Марией Ильиничной“.

Читатель легко может понять, в каком состоянии я вышел из кабинета тов. Ногина. Главное, меня волновало — где же найти соответствующее помещение.

Квартиру нужно было устроить в таком месте, чтобы никто не подозревал, что в нем живет Владимир Ильич.

При всем прочем условия квартиры должны быть таковы, чтобы способствовали лечению тяжело больного т. Ленина, т.-е. воздух, питание, проезд врачей и прочее.

Было над чем призадуматься. Первое, что мне бросилось в голову — поместить тов. Ленина на заводе „Проводник“ в Тушине. Там была система маленьких деревянных домиков для администрации. На этом заводе я работал до Октябрьской Революции и поэтому хорошо знал всю обстановку завода. Думаю, займу для себя один из таких домиков и поселю там больного „отца“. А в случае чего-либо, я знал прекрасно, что рабочие тушинцы все, как один, лягут костьми. Но тут же эта мысль отпала, когда я подумал, что многие рабочие захотят познакомиться с отцом тов. „Александра“ (моя кличка, под которой я работал до революции в тайной партийной организации) и, конечно, сейчас же узнают в нем тов. Ленина.

Много я мысленно об'ехал знакомых мне фабрик, заводов и деревень Московской губернии, находил очень подходящие места, но трудно было найти такое место, которое отвечало бы всем правилам сохранения тайны.

После довольно долгого раздумья мне пришла в голову и очень понравилась мысль: найти хорошее бывшее помещичье имение, наскоро организовать там из надежных товарищей коммуны и там-то поселить тов. Ленина.

Долго такого имения искать не пришлось. После об'езда нескольких, мне очень понравилось бывшее имение Морозова. Совершенно сохранившийся старинного типа дворянский дом, хорошо оборудован, паровое отопление, электрическое освещение, водопровод и другие удобства. Стоит на возвышенном красивом месте, у подножья большой пруд, невдалеке речка Пахра, кругом очень большой красивый парк, продолжением которого является почти со всех сторон лес. К Горкам с двух сторон идут прекраснейшие шоссе. Место во всех отношениях прекрасное. На нем и остановился. Но для организации коммуны времени не было, товарища Ленина немедленно нужно было вывезти из Москвы.

Мне понравился такой план: приезжает несколько человек под видом „заграничных гостей“ и селятся в этом доме для отдыха, ходят на охоту и прочее. Эти гости будут охраной товарища Ленина. Больного же тов. Ленина из рабочих совхоза никто не должен видеть, а что это за гости рабочим совхоза как-нибудь придется об'яснить.

В качестве гостей я предполагал взять латышей, рабочих-коммунистов с завода „Проводник“ в Тушине.

Когда я пришел к Марии Ильиничне, у нее тогда сидел тов. Беленький из ВЧК. (Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контр-революцией, которая теперь называется: Государств. политическое упра-

вление) и товарищ Мальков, бывший тогда комендантом Кремля. После краткого разговора мы сейчас же с упомянутыми двумя товарищами отправились в Горки.

Оба товарища были в восхищении от местности и, чем больше приближались к дому, тем больше она им нравилась и, главным образом, с точки зрения охраны. Когда же осмотрели дом и местность, то все единогласно пришли к заключению, что лучше и желать нечего.

Признаться я очень огорчился, когда тов. Беленький заявил, что охрану тов. Ленина возьмет на себя ВЧК. Мне казалось, что лучше тушинских рабочих никто тов. Ленина охранять не сможет, но, в конце-концов, пришлось согласиться.

В тот же день после осмотра Горок я отправился на завод „Проводник“ взять пять человек рабочих, которые наспех произвели ремонт водопровода, отопления, и через несколько дней дом был готов. Но тут встали новые затруднения: тов. Ленин не хотел выезжать из Москвы и его, как мне тогда рассказывали, больших трудов стоило переубедить. Вскоре он вместе с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной поселился в Горках.

Охрана ВЧК меня не удовлетворяла.

Чувство величайшей ответственности за целостность единственного вождя величайшей из великих революций не давало мне покоя. Это чувство со мной разделяли товарищи Минков и Полидоров, которым я вынужден был сказать о моем предприятии в Горках. Да и скрыть я от них этого не мог, так как они не могли не заметить моих таинственных исчезновений. Миньков и Полидоров работали вместе со мной в

Московском Губернском Комитете Партии. Кроме того, в смысле полной надежности у меня по отношению к ним не было никаких сомнений. Тогда мы решили организовать добаяочную охрану. В одной из дач, под видом отдыха в саватории, поселились несколько человек и негласно принимали участие в охране.

Из прилегающих к дому дач пришлось выселить живущих в них. В освободившихся помещениях устроили детский дом, рабочий клуб, библиотеку и больницу.

Полного ремонта в доме на скорую руку сделать не удалось, в особенности хромало дело с отоплением. Благодаря тому, что на зиму не была спущена из труб вода, они все полопались. Первый раз починили, пустили отопление, вдруг обнаруживается течь. Остановили отопление, починили, пустили, и снова течь в новом месте и так без конца. Печей в доме не было, было только два камина ¹⁾. Каминны затопили, полагая, хотя бы при помощи их, временно поддержать тепло.

С этой мыслью, полууспокоенный уезжаю в Москву. Но увы! В два часа вочи просыпаюсь от продолжительного телефонного звонка: товарищ Беленький сообщает, что в Горках пожар, горел дом, где поселился Владимир Ильич. — „Что же весь сгорел“? — „Нет, отвечают, только в верхнем этаже провалился потолок“. — „Ну, думаю, погибло дело, провалился потолок, это значит пострадала и крыша, да и, вообще, годится ли теперь дом для жилья“.

Не дослушав как следует тов. Беленького, я рано утром выехал на место происшествия. Подъезжаю к

¹⁾ Камин—это специальная печка, устривается часто в барских домах. В этой печке огонь раскладывается в виде костра.

дому—не только крыша, но и все стекла целы, нигде ни малейшего следа пожара не видно. Бегу внутрь дома, и здесь в нижнем этаже никаких следов. Встречается тов. Беленький и довольно спокойным тоном говорит:— „У нас тут маленькое несчастье, дом загорелся“. — „Где? Как? Ведь ты мне сообщил, что потолок обвалился“. — „Да, в одной комнате обвалился“, тем же спокойным голосом отвечает тов. Беленький. Бегу в указанную им комнату и облегченно вздыхаю. Дело в следующем: на языке строительного рабочего „обвалился потолок“—это значит весь потолок рухнул, это значит, перегорели балки, а как известно балки кладутся не через одну комнату, а через все здание—я и вообразил, что потолок по-настоящему обвалился, значит—в доме жить нельзя. На самом деле, он пострадал лишь тем, что около камина сверху обвалилась штукатурка и образовалась небольшая дыра от перегоревших двух-трех накатин потолка.

Часов в 10—11 вечера рабочие тушинцы, работавшие по ремонту, и кто-то из охраняющих отправились зачем-то на чердак, который оказался полон дымом. Не поймут—в чем дело. Полагали, что на чердаке загорелся разного рода хлам. Все засуетились, забегали, обнаружили, что дым идет из-под засыпки наката, около дымохода камина. Значит, горит накат. Началось под командой тов. Беленького тушение пожара. Решили это сделать тайком от тов. Ленива. Ковыряли дымоход, очищали от засыпки накат, таскали ведрами воду и поливали те места, откуда шел дым. Пожар небольшой, а потушить его оказалось не так то легко. Каким-то путем деревянная балка ока-

залась в середине дымохода камина, и она-то и загорелась. Огонь по балке из дымохода пробирался постепенно дальше и дальше, но снизу штукатурка, а сверху насыпанная земля не давали воспламениться дереву, которое тлело, и от него-то и шел дым.

Ковыряют, льют без конца воду, а дым все идет и идет. Никак не додумаются в чем дело. Беготни и шума, которые несмотря на предосторожности поднялись в доме, тов. Ленин не мог не услышать. Он начал с пристрастием допрашивать, в чем дело. Беленький его успокаивал, говорил, что пустяки. А тов. Ленин не унимался и все допрашивал, наконец, не вытерпел, вскочил с кресла и начал ходить по комнатам и искать причину суеты. — „А это что?“ — спросил тов. Ленин, указывая на промокнувший от сверху вылитой воды потолок. Не дождавшись ответа, несмотря на болезнь и уговоры не ходить, пошел на чердак, добрался до места происшествия, с упреком покачал головой: — „Плохие хозяева, что не досмотрели“ — и ушел обратно.

„Пожар“ хлопот наделал много. Дыра в потолке небольшая, но потолок промок, закоптился, две комнаты вышли на строя, нужен ремонт. А как будешь производить ремонт? От стука и грохота плотника здоровый сбежит, а, когда в доме находится тяжело больной, о ремонте и думать, конечно, нечего.

Мне пришлось в ход пустить свое искусство маляра. Отверстие заложили кое-чем, сверху засыпали листвой и сухой землей так, чтобы не проходил холод, а снизу отвалившуюся штукатурку и копоть затянули белым полотном. „Ремонт“ был закончен в несколько часов.

Пребывание тов. Ленина в Горках старались хранить в глубокой тайне, но эта тайна-тайной была недолго. Рабочие совхоза с большим любопытством смотрели на приезжих гостей и моими объяснениями на общем собрании как-то остались не удовлетворены. Погода в это время стояла прекрасная, тов. Ленин довольно быстро стал поправляться, начал выходить часто из комнаты на солнечную террасу, и, конечно, стоило только издалека увидеть его, рабочие сейчас же его узнавали и стали таинственно друг другу передавать новость.

Больших усилий стоило для больного тов. Ленина создать соответствующую тишину, в особенности, в праздничные дни, когда крестьянская молодежь окружающих деревень большими партиями с гармоникой и песнями направлялась гулять в парк Горок. Уговоры не ходить и не шуметь в парке потому, что в доме имеются тяжело больные, часто не помогали. Запрещать гулять по парку не хотелось, поэтому приходилось действовать уговорами. „Санаторные“ товарищи рассыпались по парку, встречали партии молодежи, останавливали их и с трудом уговаривали вернуться и не ходить к дому. А иногда прибегали к таким методам: гденибудь подальше от дома устраивали митинг, а то проще—какие-нибудь игры—и невольно туда, как к центру, тянулись гуляющие.

Мы были уверены, что пребывание т. Ленина в Горках останется тайной. Но эта уверенность оказалась ложной.

В тот момент, когда тов. Ленин вышел садиться в автомобиль ехать в Москву, появилась делегация рабочих совхоза с поздравлением по случаю выздоров-

вления и просьбой, чтобы им разрешили этот совхоз преобразовать в сельскохозяйственную коммуну имени Ленина.

В это время тов. Ленин начал уже увлекаться сельскохозяйственными коммунами. Письменное заявление рабочих совхоза Горок он передал мне с пожеланием или даже предложением просьбу рабочих удовлетворить.

Признаться, это предложение тов. Ленина я решил не проводить в жизнь (думал, авось он забудет, ему не до того) по двум причинам: во-первых, я еще не оставил мысли о том, чтобы там организовать коммуну из рабочих фабричных коммунистов, так как я полагал, что этот дом пригодится для отдыха тов. Ленина и других товарищей и в будущем, следовательно, там необходимо создать соответствующую обстановку. А, во-вторых, совхоз был сохранившимся, хорошо оборудованным, находившимся там рабочим ни губземотдел, ни я лично не доверяли и боялись, что они его разрушат. Посоветовавшись с тов. Зайцевым, заведующим губземотделом, решили временно оставить совхоз, не делать никаких изменений, а там будет видно.

Но рабочие совхоза оказались более настойчивы, чем мы предполагали: видя, что мы задерживаем организацию коммуны, они пробрались в Кремль к тов. Ленину с жалобой на нас, после чего я получил настойчивое предложение все-таки организовать коммуну из находившихся там рабочих, тем более, что, говорил мне тов. Ленин, рабочие-латыши знают прибалтийские методы ведения сельского хозяйства. Они сумеют коммуну поставить на должную высоту.

Коммуна организовалась, и зимой 1918—19 года, благодаря многочисленным фронтам, беспрестанным мобилизациям, бесконечному множеству продовольственных и всякого рода других ударных кампаний, мы про нее забыли. Случайно туда попал инструктор губземотдела, обследовал и сообщил: белье, находившееся в доме, где лечился тов. Ленин, коммуна между собой распределила. Часть мебели из дому забрали и руководители коммуны обставили свои квартиры. Ковры, занавески, посуду, серебро, ножи, вилки и прочие вещи тоже распределили и несколько возов совсем из совхоза увезли в Прибалтику.

Таким образом, благодаря недосмотру Московского Губисполкома и плохому подбору членов коммуны, опыт организации в Горках коммуны кончился неудачей. Коммуна перестала существовать. После нее был организован снова совхоз, который существует и в настоящее время. Кроме того, там теперь имеется дом отдыха. Дом же, где жил тов. Ленин, предполагается сохранить для музея.

В 1919 году весной тов. Ленину снова стали уговаривать, чтобы он время от времени ездил в Горки на отдых. Первое время он упирался, и его туда с трудом удавалось вытаскивать. Впоследствии же, он так привык к Горкам, что когда была возможность поехать куда-либо в другое место, то он, если и соглашался, то с большой неохотой.

Лето 1919 года, как известно, было не менее напряженно и тревожно, чем в 1918 году. Эсеры, анархисты и другие бело-бандиты не отказались от убийства вождей рабочего класса, в особенности нападения из-за угла на тов. Ленину можно было ожи-

обл. университет
науч. зап. Горках
им. В. Г. Беллинского

дать ежеминутно. Горки для такого гнусного нападения были весьма и весьма удобны: достаточно было одному—двум человекам где-либо под кустом подкараулить тов. Ленина, который часто один, украдкой от охраны, уходил гулять по парку и лесу.

Пребывание тов. Ленина в Горках давно уже перестало быть тайной, об этом знала вся крестьянская округа на десятки верст. Бывало, едешь в поезде Павелецкой железной дороги и всегда наблюдаешь картинку, как крестьяне, рабочие, красноармейцы, показывая друг другу на Горки, говорят:

— „Вот там живет товарищ Ленин“.

В вагоне сгрудилась толпа молочниц, железнодорожных служащих, дачная и всякая другая публика. Среди этой группы стоит какой-то рабочий (в виде шофера или слесаря) и воодушевленно рассказывает:

— „Я только сейчас был у Ленина, вот он там живет, — указывает пальцем на Горки. — Шел к нему, думал, что не увижу, думал, что и вблизи не допустят, а прошел совершенно свободно, прямо к самому дому, где живет Ленин. Никакой охраны, только вдали видел одного красноармейца. Ленин вышел ко мне, поздоровался, сел со мной, выслушал внимательно, а затем обо всем начал расспрашивать“.

— „Правда? Неужели? Не врешь ли?“ — вопрошали слушатели.

— „Да чего там врешь, вот, как с вами, с ним разговаривал“.

И рабочий, увлекаясь, начал описывать все детали разговора с Лениным и свои впечатления. И так до самой Москвы (час езды). Такие сценки в вагонах встречались очень часто.

Этот рабочий преувеличил то, что никакой охраны не было. Там была постоянная охрана, и было бы преступлением с ее стороны пропускать всех желающих к товарищу Ленину, так как к нему мог бы придти любой контр-революционер. Все же случаи такие были, когда многие, несмотря на охрану, пробрались к тов. Ленину. Поэтому, вполне естественно, у всех нас было (в особенности всегда об этом болела Мария Ильинична) небезосновательное опасение за целостность Владимира Ильича. Возникла мысль о том, чтобы найти другой дом отдыха для Владимира Ильича, или же иметь несколько таких мест отдыха и в интересах конспирации всегда ездить в разные места.

Конечно, таких мест, пригодных во всех отношениях и, в особенности в отношении охраны, найти было не так-то легко, а, главное, Владимир Ильич на всякую перемену места отдыха не соглашался и, если когда и ехал в другое место, то с большой неохотой,—он всегда предпочитал Горки.

Но были и такие моменты, когда во что бы то ни стало поездки в Горки нужно избежать, а ехать отдохнуть вследствие сильного переутомления Владимира Ильича необходимо.

Осенью 1919 года гражданская война в самом разгаре, контр-революция напрягает все свои силы для борьбы с Советской властью. Рабочие и крестьяне организуют отпор контр-революции. На фабриках, заводах и деревнях встают все новые и новые вопросы, требующие разрешения. Для обсуждения этих вопросов Московский Комитет РКП созвал 25 сентября в своем помещении в Леонтьевском переулке

широкое совещание партийных работников. Это совещание созывалось публично, через газеты. Соответствующих мер охраны принято не было, благодаря чему анархисты беспрепятственно подкрались к окнам переполненного партийными работниками зала и бросили две бомбы. Раздался громадной силы взрыв, разрушивший здание. Несколько человек было убито и большое количество ранено.

В Москве напряженность невероятная: контр-революционные банды продолжают устраивать заговоры. ВЧК открывает новые притоны этих бандитов, последние далеко не выловлены и неизвестно, кого изберут они своей очередной жертвой. При таких условиях ехать тов. Лениву в Горки, о которых известно всем бандам, по меньшей мере, было рискованно.

Меня вызывает Мария Ильинична и говорит, что через полчаса-час Владимир Ильич собирается поехать отдохнуть, но в Горки ехать ни в коем случае нельзя.

В такой короткий срок найти место, пригодное во всех отношениях к тому, чтобы можно было приехать спокойно проспать ночь и отдохнуть, да еще в такое тревожное время, нелегко. А тут еще московские дороги, да еще после тогда прошедшего обильного дождя, на полверсты от шоссе и—погибнешь.

После некоторого раздумья решили ехать в имение Васильевское, Звенигородского уезда, верст 60—70 от Москвы, из них 6—7 верст—лесом, по грязи. Там только что губисполком начал организовывать дом отдыха.

Сообщаю, место хорошее во всех отношениях, прекрасное помещение, но еще не все в порядке, не организовано, да еще плохая грязная дорога, где рискуем застрять. Все-таки отправились. Ночь темная, сверху моросил дождь. По шоссе, хотя и с небольшими приключениями, но в общем доехали быстро, но как только свернули в сторону, начали прыгать по колдобинам и нырять по болотам. Донырялись так, что, проехав с версту от шоссе, одна машина нырнула по самый кузов в грязь. Все вышли из машин, начали помогать тянуть, залезли по колена в грязь, но ничего не выходит. Все кипятятся, волнуются, нервничают. Спокойнее всех Владимир Ильич, — трунит и издевается, что столько, мол, народу и не могут вытащить одной машины. Кто-то с досадой изрекает: — „Мы на ней ехали, теперь она на нас“.

Спасло положение то, что эта беда стряслась в лесу. Все, недолго думая, пустились собирать хворост, — в этой работе и Владимир Ильич участвовал, — вскоре набрали большое количество его, наложили под колеса, и машина с трудом вылезла. И мы снова двинулись, прыгая по таким же буеракам и лужам грязи, не будучи уверены в том, что через минуту снова не засядем и, может быть, еще крепче, чем в первый раз.

К счастью, больше ничего худого не случилось, и мы, наконец-то, часа в 2—3 утра добрались до конечного пункта. Совхоз весь спал крепким сном, и даже ни один пес не залаял, спали и обитатели организуемого дома отдыха, — не разбудил их и шум машин.

Барабаним в двери, из которых после изрядного стука высовываются заспанные и недоверчивые лица.

Впустили не сразу. Забираемся в дом. На нас пахнуло сыростью и неуютом, света нет. Нам дают какие-то небольшие коптилки и свечи. Сквозь слабо мерцающий свет глазам приезжих представился богатейший, прекрасно оборудованный дом, большое количество просторных, светлых, хорошо когда-то отделанных комнат, но чувствовалась, что там кто-то такой основательно похозяйничал, и как будто бы все поставил вверх дном. Таившаяся веками ненависть крестьянства к помещикам во время революции в этом имении дала себя знать. Чувствуется так же и то, что здесь, очевидно, побывала рука деревенского мародера-кулака, стремившегося поживиться за счет революции в своих собственных интересах. И лишь, как видно, организующая рука пролетариата приостановила разгром и пытается снова привести в порядок, но уже для других целей—для отдыха истощившихся и уставших от борьбы на всех фронтах борцов за дело революции.

Тов. Кокушкина (заведывающая домом отдыха) напекла на керосинке каких-то лепешек. Кое-как с'организовали самовар, наскоро приготовили неказистый ужин, острили над неорганизованностью, шутили, смеялись. Наконец, отправились спать. Комнат было большое количество, хоть каждый занимай отдельную. В кроватях недостатка также не было, часть кроватей была чуть ли не в два с половиной аршина ширины, это остатки былой роскоши. Владимир Ильич, шутя, говорил:— „Для чего же такие кровати, плясать на них, что ли?“. И действительно, положение было таково, хоть пляши, кроватей много, а белья, одеял нет. А холод и сырость от полусеннего дождя в потопленных комнатах придавали нашему пребыванию

бивуачный характер. Признаюсь перед читателем, чувствовал я себя не ахти как хорошо, так как считал себя виновником, что не мог ничего лучше придумать. Вот, думаю, и нашел же место для отдыха. Но шутливое настроение окружающих и веселость тов. Ленина положение сглаживали. Понабрали кое-как белья, одеял, улеглись.

Утро было наградой пережитого. Сырая и проведенная с приключениями ночь сменилась солнечным утром и большей налаженностью в хозяйстве, в дополнение прекрасная местность и природа. Даем осматривали совхоз, скотный двор.

Обстановка не особенно, но местность тов. Ленину очень понравилась. По крайней мере, настолько, что он охотно там пробыл дня два, но не настолько, чтобы он повторил туда свою поездку.

Горки при жизни Ленина были культурным центром окружающих деревень. Там был клуб рабочих совхоза, куда привлекались и местные крестьяне, была большая библиотека, обслуживающая все окрестные деревни.

Большой и радостной неожиданностью было для окружающих деревень, когда, кажется, в 1920 году, по распоряжению тов. Ленина, деревня Горки от совхозовской станции была освещена электричеством. С этой электрификацией так же, как и в других местах, не обошлось без смешных случаев: один крестьянин не допускал у себя в доме делать проводку, не то боялся какого-то подвоха или же, что, вернее, из-за каких-то религиозных соображений. Но как только засветились лампочки, крестьянин начал умолять, чтобы и его дом осветили. А затем все деревни

стали присылать делегации с просьбой об электрификации.

Уже во время болезни тов. Ленина закончилась работа по сооружению небольшой электростанции на Шахре, которая теперь освещает несколько окрестных деревень.

Думаю, что выражу общее желание местных крестьян, чтобы и впредь, когда не стало их любимого Ленина, Горки были бы тем центром, откуда бы они черпали значение ленинского учения, как нужно жить, бороться и побеждать. В Горках должен быть музей Владимира Ильича, в Горках должно быть образцовое и показательное сельское хозяйство. Горки, совхоз должны быть примерным показателем проведения смычки города с деревней.

II

Самая трудная задача во время пребывания тов. Ленина в Горках—это его охрана. Мы уже видели, какая обстановка была в 1918 и 1919 годах, знаем, как бело-бандиты охотились за вождями рабочего класса, а ко всему этому еще прибавлялось то, что лето 1919 года было довольно-таки обильно в Московской губернии зелеными бандами. Подольский уезд, в котором находятся Горки, в этих бандах недостатка также не имел. И на ряду с восстанием этих банд в Волоколамском, Клинском, Бронницком, были также восстания и в Подольском уезде, верстах в 15 - 20 от Горок Москва находилась в полукольце этих банд; дело доходило даже до пушек. Хотя и принимались энергичные, успешные меры по уничто-

жению этих банд, тем не менее, орех этот был довольно-таки крепкий и разгрызть его было не так-то легко.

Так как во главе восставших банд всегда становились белые офицеры, сынки князей и местных помещиков, то от них можно было ожидать всяких пакостей. Горки они могли избрать для нападения потому, что их ненависть к тов. Ленину была очень велика, и они знали, какой вред принесут революции, убив ее вождя.

Охранять Владимира Ильича было весьма трудно по очень простой причине, что он охраны недолюбливал, мягко выражаясь.

Тов. Ленин от охраняющего удирает: скроется в кустах, в лесу, и баста. Туда, сюда, его нет. Приходилось отыскивать т. Ленину, но делать это так, чтобы он не догадался. Пойдут, бывало, в разные стороны несколько человек из отдыхающих в санатории и кто-нибудь, бывало, в лесу как-будто нечаянно наткнется на тов. Ленину, поздоровается, заведет о чем-либо разговор, и идут вместе,—тов. Ленин не подозревает, конечно, с какой целью встретил его собеседник. Но не всегда в таких случаях бывало легко найти тов. Ленину, часто он уходил очень далеко, и направление, куда он пошел, трудно было угадать.

Тов. Ленин часто с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной уходили далеко в лес или в поле гулять. В это время отдыхающие товарищи также шли гулять в том же направлении, держась на некотором расстоянии, притворяясь, что собирают цветы, грибы или еще что.

Помню такой случай: тов. Ленин вдвоем с Надеждой Константиновной ушли далеко по открытому лугу. В таких случаях вследствие того, что тов. Ленин не долюбливал охраны, товарищи, охраняющие держались на очень далеком расстоянии. Тогда мы с тов. Полидоровым отиравились погулять по тому же лугу и начали собирать цветы. Прогулка тов. Ленина с Надеждой Константиновной затянулась настолько, что мы набрали такое количество цветов, что не знали, куда их девать. Но уйти было нельзя, и в то же время боялись выдать, что нас вовсе не интересует собиpание цветов, а охрана т. Ленина. Мы тогда, как детишки, начали возиться с тов. Полидоровым и пустили в ход цветы, быстро их все израсходовав. Увлeкшись этой игрой, мы не заметили, как к нам подошли тов. Ленин и Надежда Константиновна. Тов. Ленин начал над нами тpунить:— „Вот вы какие работнички — управляете губернией, а возитесь, шалите, как пятилетние мальчишки: крестьяне увидят, как вы себя ведете, прогонят“. Когда же они прошли, тов. Полидоров заметил:— „А у самого-то какие оговьки в глазах, сам бы не прочь повозиться, да, верно, стесняется“. — „Да, — заметил я, — очевидно, потому, что размер его работы побольше губернского“.

Трудновато было с тов. Лениным в смысле охраны во время купанья. Там были все (кроме Полидорова) пловцы такие, что едва речку переплывали, тов. Ленин же поперек речки редко когда плавал, а с легкостью рыбы вдоль ее.

Уплывет, бывало, на полверсты, вылезет на берег и сидит. Плыть за ним никто не мог, а идти по бе-

регу... знали, что он этого недолюбливал. В таких случаях как хочешь, так и выкручивайся.

Были случаи, когда, кроме обычной охраны, мы остававливали дежурства по ночам из так называемой отдыхающей публики. Опишу один из таких случаев.

Весной 1920 года, во время польского наступления, как-то послышались со стороны Москвы какие-то взрывы, и с наступлением темноты над Москвой образовалось громаднейшее зарево. Начали усиленно звонить в Москву, но там всеобщее молчание—на телефонные звонки не отвечают. Праздничный день—значит, все отдыхают. Послали в Москву нарочного узнать в чем дело, а затем из ВЧК сообщили, что на Ходынке происходят взрывы складов со снарядами, что, по всей вероятности, польские шпионы, чтобы дезорганизовать снабжение Красной армии и ослабить ее борьбу подожгли склады со снарядами. Взрывы настолько сильны, что осколки долетают на окраину Москвы и в Москве лопаются стекла; в Москве тревога.

Поздно вечером сообщают, что из Москвы за Серпуховскую заставу выехали неизвестных два вооруженных автомобиля. Сейчас же возникли сомнения, предположения и разного рода слухи. А вдруг это польские банды или русские белогвардейцы подожгли склады и, пользуясь суматохой, решили напасть на Горки.

Звоню в Подольск, чтобы приняли меры к выяснению и задержке вооруженных автомобилей. Сами же приготовились на всякий случай. Распределили на всю ночь дежурных, на обязанности которых было всех разбудить в случае, если по направлению к Гор-

кам послышится шум автомобилей. Но эта ночь была настолько беспокойна, что почти не спали, наблюдали зарево и раскаты взрывов, прислушиваясь в то же время к каждому шороху в темноте.

В момент, пожалуй, наибольшего напряжения выходит в нижнем белье один из проснувшихся товарищей и начинает восхищаться красотой ночи и прочее, а затем спокойно, как будто бы ничего не происходит, говорит: — „А вон большая Медведица“. — „Пошел к чорту“, — послышались возмущенные голоса, „какая тут тебе Медведица“.

А вот и еще веселый случай: звонят подольцы и обиженно заявляют: — „Приготовились к хорошей встрече и никаких вооруженных автомобилей не дождались“.

III.

Приходилось принимать меры охраны тов. Ленина не только с точки зрения террористических актов, но просто с точки зрения покоя, отдыха тов. Ленина. Каждому известно, что во время революции не только работники верховных органов, но и середняки, и работники визовых органов рвались на части: дел у них всех было по горло. По отношению же к тов. Ленину этого доказывать не приходится, и его нагрузка, которой он сам себя подвергал, всем известна. На его плечи все вваливалось, начиная от вопросов мировой революции и кончая мелкими реквизициями в поездах у мешочника и пайками для, так называемых, ответственных и незаменимых работников и их жен, которые настолько были, я бы сказал, пахальны (в революцию нередко бывали случаи, когда прима-

завшиися люди выдавали себя за незаменимых), что за всякими пустяками обращались к тов. Ленину. Такими же просьбами не забывали тов. Ленина в Горках. Вот почему работники губисполкома, которым тогда приходилось бывать в Горках, поставили себе за правило не только разговоров с тов. Лениным избегать, но и без нужды с ним не встречаться.

—Почему мы придерживались такого правила?—Да, очень просто. Как только покажешься тов. Ленину, так он сейчас же начнет расспросы: как промышленность в губернии, каково положение в деревне, сколько хлеба у рабочих (а тогда бывали такие времена, что рабочие Московской губернии не получали ни крошки по месяцу, а то и по два), каковы настроения рабочих и крестьян, как проходят мобилизации на фронт, в продотряды и прочее, а после его вопросов незаметно для себя втягиваешься в разговор и ему, в свою очередь, сам задаешь целый ряд контр-вопросов. Да так один, другой, третий... Ну, какой при таких условиях может быть отдых, если принять во внимание еще то, что тов. Ленин для своего отдыха уделял времени очень мало. Поэтому вполне понятны наши заботы о его покое.

Все подобные мероприятия не могли, конечно, предохранить тов. Ленина от того, чтобы и в Горках он не занимался самыми мелкими вопросами управления страной, да и не только страной, а вообще мелочами, с которыми не давали ему покоя.

Я приведу несколько небольших фактов, которые могут характеризовать, как тов. Ленин наряду с большими мировыми вопросами успевал разрешать и уделять время совершенно незначительным вопросам.

Мною как-то был арестован за злостный саботаж, работавший в Горках, машинист Коровин. У этого машиниста был сын красноармеец; он какими-то путями пробрался к тов. Ленину. Товарищ Ленин убеждал меня, что Коровина один раз проучили, его нужно освободить и допустить до работы; наверняка он теперь забудет про саботаж. Я его продержал больше, чем предлагал тов. Ленин, а затем освободил, и он был допущен к прежней своей работе. Предсказание тов. Ленина сбылось. Коровин энергично и добросовестно принялся за работу.

На земле, которая до революции принадлежала помещику Рейнботу, была дачка какого-то француза. Он умер. У него на квартире жила какая-то вдова и имела явно недоброкачественные документы, — что эта ее дача; да даже если и ее дача, то она все равно подлежала выселению, хотя бы с точки зрения охраны Горок. Но не тут-то было. Эта женщина оказалась упорной, неустанно бомбардировала тов. Ленина и в Горках и даже проникала в Кремль. В конце-концов, тов. Ленин настоял на том, чтобы ее не выселяли.

Приходили к тов. Ленину и рабочие совхоза жаловаться на то, что у них плохая пища, не дают специальной полагающейся в производстве одежды, не во время получка, приходили со всякими другими своими нуждами.

Крестьяне в Горки шли со всех концов округа. Тов. Беленький, бывало, их убеждает: — „Зачем вам тов. Ленин, здесь — председатель губисполкома, идите к нему. Все равно разрешить ваш вопрос тов. Ленин не сможет и передаст ему“. Крестьянин недоверчиво

посмотрит на Белецкого и скажет:— „Оно, может быть, и так, но уж если ему сам Ленин скажет..“, то крестьянин полагал, значит, будет сделано. Часто крестьяне добивались своего, дожидаясь где-нибудь на дороге тов. Ленина, чтобы изложить ему свои нужды.

Крестьяне приходили, конечно, с разными нуждами: о неправильной, по их мнению, мобилизации лошадей, инвентаря, об освобождении сына-дезертира, об оставлении для полевых работ мобилизованного сына, о земельных делах и семейных разделах и со всякими другими просьбами. Их тов. Ленин выслушивал, а затем поручал мне разрешать эти вопросы, а иногда предлагал поехать на место и обследовать. Конечно, везде лично поспевать было невозможно и приходилось, в свою очередь, кого-либо посылать. Но тов. Ленин мало того, что поручит сделать, а он всегда проверял порученное, сделал ли ты, когда и как сделал. Однажды он меня припер к стене. Я ему дал обещание съездить в деревню лично и разрешить какой-то земельный вопрос, но поехать мне туда не удалось, и я послал инструктора, который очень хорошо разрешил вопрос и затем сообщил мне все подробности. Встретившись со мной, тов. Ленин, не спрашивая — ездил ли я в такую-то деревню, сразу спрашивает, как я разрешил такой-то вопрос. Я ему выкладываю со всеми подробностями. Тов. Ленин посмотрел лукаво на меня и спрашивает, как живет этот крестьянин, большое ли семейство, какой у него дом и другие подробности. Я вынужден был сознаться, что сам там не был. Он тогда захохотал и сказал: „Вот и попался. Нужно было так и сказать раньше, что не поедете“.

Много писалось о трогательном, чутком и бережном отношении тов. Ленина к товарищам, и я не хочу этого доказывать, так как это общеизвестно, а лишь хочу иллюстрировать несколькими фактами это отношение.

Мне приходилось наблюдать, как при каждом удобном и неудобном случае, независимо от обстановки и уймы дел, тов. Ленин находил время позаботиться о товарищах и не только о тех, которых он близко знал, а—вообще.

Бесконечные заботы—кто как живет, питается, как кто здоров и прочее. Когда бывало едет в Москву, непременно всех спросит:— „А, может-быть, вам, что нужно привезти, книг, газет, из аптеки что-либо, может-быть, кого нужно подвезти в Москву“.

Однажды, только что вышел от меня тов. Ленин, вбегает взволнованная тов. Федяева:— „Что я наделала, вот безобразие!“ — „Да что такое? В чем дело?— „Лежу я с закрытыми глазами в постели на террасе, идет Ильич, спрашивает, где Сапронов, а я как-то от неожиданности смутилась, хотела приподняться и не смогла: мне, сегодня в особенности нездоровится. Тов. Ленин подошел ко мне, начал так внимательно расспрашивать, — что со мной, что болит, и вид-то у вас плохой, да не нужна ли вам врачебная помощь, не нужно ли что из аптеки?— „А мне сегодня врач сказал, чтобы срочно послать в Москву за лекарствами. Я от такой внимательности растерялась, возьми да и дай рецепт тов. Ленину, а теперь ругаю себя, зачем так сделала. Тов. Ленин едет на серьезное заседание Совнаркома (Совета Народных Комисса-

ров), а я ему преподношу возиться с какими-то пузырьками".—И долго она мне рассказывала о том, как тов. Ленин внимательно и заботливо расспрашивал о ее здоровьи.—„Близкие товарищи менее внимательны, чем он“,—добавляет тов. Федяева.

Во время польского наступления тов. М. Минков, выходя из столовой, встретил тов. Ленина. Последний его спрашивает:—„Читали, как наши бьют поляков?“—„Нет, не читал“.—„Так подождите, я вам сейчас принесу газеты“. И, несмотря на протесты Минкова, пустился бегом и через несколько секунд тащит газеты и говорит:—„Нате-ка, почитайте, как их лупят“.

Иногда тов. Ленин проводил время в разговоре с Сашей (служанцей санатории); она ему жаловалась, что ее Иван (муж) ушел в продотряд или куда-то командирован профсоюзом и до сих пор еще не вернулся. Она полагает, что он забыл уже про нее и „нашел уже, верно, другую“.—„Не знаете ли вы, тов. Ленин, как бы его отыскать, я уж не надеюсь, что он вернется ко мне, а хоть бы узнать, где он и как живет“.—Тов. Ленин ее уговаривал подождать, говорил, что он найдется, приедет и что все уладится.

Удивительно, как умел т. Ленин подойти и успокоить. Саша говорила о том, как ей воспитать своего сына, как устранить материальные недостатки. Обычно, после таких разговоров Саша ходила веселая и говорила:—„Поговорила с т. Лениным, горя не стало меньше, а на душе легче!“—и добавляла:—„Хороший т. Ленин!“.

Такие же отзывы были о т. Ленине от всех рабочих, крестьян и служащих, которые говорили с ним о своих нуждах.

Участливое отношение т. Левина ко всем товарищам было не потому, что он очень мягок, податлив или угодлив, нет, таков уж его характер, склад. Когда же дело требовало кого-либо подтянуть, проучить или примерно наказать, он это делал и в своих решениях был тверд и непреклонен.

Однажды т. Вевер, комендант санатория и заведующий совхозом, срубил на дрова сосну в парке, полагая, что эта сосна сухая. Т. Ленин увидал, потребовал, чтобы составили акт, подлежит ли эта сосна, действительно, на сруб или срублена по небрежности. По выяснении было установлено, что сосна не сухая, а срублена по недосмотру т. Вевера. Тогда т. Ленин в несколько минут написал: „подвергнуть т. Вевера аресту на 1 месяц, 3 недели условно, 1—отсидеть. В случае повторения т. Вевер должен будет условные 3 недели отсидеть и быть удаленным со службы. Но, принимая во внимание, что в совхозе идет уборка полей, наказание отбыть т. Вевер должен будет в наиболее свободное время по усмотрению Подольского уездного исполкома“. (Пишу на память, в выражениях имеются неточности, по существу же акт, написанный тов. Лениным, изложен правильно, подлинник, по всей вероятности, находится у товарища Беленького). Тов. Вевер прибежал ко мне ни жив, ни мертв и начал меня просить походатайствовать об отмене приговора. Тов. Вевер говорил:— „Легче год, два отсидеть, чем одну неделю по распоряжению тов. Левина. Готов, что угодно сделать, только, чтобы не быть наказанным Лениным“. Как я ни доказывал тов. Ленину невиновность Вевера в данном случае и преданность

его, вообще, он в своем решении остался непреклонен, и Вевер отбыл свое наказание.

На девятом съезде РКП, как известно, по целому ряду вопросов были разногласия, в частности были разногласия по вопросу о единоличии и коллегиальности. Дело в следующем: с начала перехода власти к Советам во главе отделов Исполнительных Комитетов Советов стояли коллегии из нескольких человек; (три, пять, семь и больше); фабриками и заводами управляли тоже коллегии. Перед 9-м съездом РКП и на нем был поднят вопрос об упразднении коллегий, вместо них предлагали ставить одно лицо: заведующего, директора или начальника. Большинство членов украинской делегации, в которой участвовал и пишущий эти строки, были на съезде за коллегиальность. После 9 съезда я был отозван с работы на Украине и получил отпуск, который и проводил в Горках, где тогда жил тов. Ленин. Признаюсь перед читателем, что от пережитого на 9 съезде я себя чувствовал не особенно хорошо, не потому, конечно, что группа, защищавшая коллегиальность и вносившая предложения по другим вопросам, осталась на съезде в меньшинстве, а потому, как мне и товарищам тогда казалось, что предложения наши проваливались способами и приемами, недопустимыми внутри партии, принявшими характер личной травли (не место здесь, конечно, этот факт разбирать по существу, что было правильно и что нет, и рассказывать, какие наши предложения в той или другой форме были приняты и какие отклонены, не это нас интересует). И эти приемы, как мне тогда казалось, поощрялись тов. Лениным и Троцким. Вот этого-то я никак не мог

понять и допустить, что мне, в свою очередь, дало возможность резко выступить против тов. Ленина. И поэтому именно 9-й съезд РКП оставил во мне некоторый осадок. Над этим я задумывался и размышлял, и, повидимому, это не ускользнуло от внимательного взгляда тов. Ленина. Он был трогательно ко мне внимателен, часто заходил, рассматривал мои книжки, усиленно рекомендовал мне больше читать и что читать, но никогда не заговаривал о 9-м съезде. Однажды ходил я в большом раздумьи по парку, и в моей голове проходили кинематографический лентой украинские события, 9-й съезд и прочее. Увлёкся я этими размышлениями настолько, что не слышал, как ко мне подошел тов. Ленин, взял меня за руку и вкрадчиво, шутливым тоном, сказал: — „Все пройдет, не печальтесь.“ — „Это вы о чем?“ — спрашиваю я его. — „А о том же, о чем вы так много думаете“, ответил он и сейчас же перевел разговор на другую тему: — „А как вы думаете насчет привлечения Брусилова? ¹⁾ Остановим мы поляков? Они очень на нас прут“. Я высказал соображение, что и без Брусилова поляков мы разобьем, а вся эта история Брусилковым затемняет международный характер нашей революции и смазывает национальную защиту отечества. Тов. Ленин мне начал доказывать, что против польской буржуазии, в интересах же польского рабочего класса и мировой революции, почему же не использовать и националистические элементы. „Не мы у них на службе, а они у нас, и это несколько не противоречит коммунизму“.

¹⁾ Царский генерал Брусиллов во время наступления поляков извещал желание защищать советское государство и был Советской властью привлечен к этой работе.

Как-то приходит один из товарищей и говорит: — „Тов. Ленин приглашает всех купаться, идемте“. Все, конечно, вскакивают и бегут купаться. Я был увлечен какой-то книжкой, так и остался в гамаке ее читать. Немного прошло времени, не больше получаса, вдруг раздается голос тов. Ленина: — „Что же это такое, все купаются, а вы что же? Нехорошо, нехорошо нарушать компанию“. Я начал доказывать, что, если и нарушил, то не со злым намерением, а увлекся книжкой. — „А я думал, что вы опять не в настроении или заболели“. А затем Владимир Ильич перешел к разговору о дальнейшей моей работе, спрашивал, что я думаю делать, и о многом другом спрашивал и тут же сам делал несколько предложений; и те предложения, которые ему самому же не нравились и сделаны были им, пожалуй, больше для виду, он раскритиковывал. В конце-концов, усиленно стал советовать мне поехать в Петроград. Мысль эта ему, очевидно, очень понравилась, и поэтому он миллион доводов нашел за эту поездку и ни одного против. Он доказывал, что там широкий размах работы, пролетарский центр, и что там будет лучше, чем на Украине.

Чувствовалось во всех этих разговорах, что он не хочет послать на какую-либо работу в порядке просто партийной дисциплины, а непременно хочет убедить.

V

В данной книжке не ставится целью хотя в малейшей степени охарактеризовать тов. Ленина, как вождя величайшей из великих революций. Для со-

временников, очевидно, эта работа не под силу, или если под силу, то для очень немногих. Для себя подобную задачу я считаю вовсе не по плечу. В данной книжке я ставлю себе скромную цель осветить жизнь тов. Ленина в Горках, да и то не со всех ее сторон, хотя бы по той простой причине, что не все эти стороны были доступны для моих наблюдений. Я здесь касаюсь тех сторон жизни Владимира Ильича, с которыми мне приходилось сталкиваться большей частью вне дома, на прогулках и проч. А ведь большую часть времени и в Горках тов. Ленин проводил за работой, и об этой стороне жизни Владимира Ильича подробно могут рассказать только Надежда Константиновна и Марья Ильинична.

У нас, жителей Горок, было ложное представление о том, что тов. Ленин решает все вопросы мировой политики без больших колебаний и волнений. А однажды я убедился, что это не так. Это было во времена польских событий. В одну из бессонных ночей, гуляя по парку, я наблюдал, как тов. Ленин долго, долго в темноте, то быстро бегая по большой открытой террасе, то останавливаясь на большой или меньший промежуток времени и вглядываясь в темноту, глубоко о чем-то задумывался. — „Вот уже часа два так ходит, — сообщил мне один товарищ из охраны, — все давно спят, а он ходит“.

А на второй день, бодрый и уверенный, как ни в чем не бывало, тов. Ленин говорил о том, как мы поколотим поляков и поможем их пролетариям свергнуть буржуазию.

Больше мне приходилось встречаться с тов. Лениным вне Горок, на работе, чем в самих Горках.

Часто приходилось безоговорочно выполнять его распоряжения, часто приходилось и спорить, а еще больше приходилось спрашивать советов и мнения Владимира Ильича по тому или иному вопросу. Об этом здесь говорить не время и не место, может быть, когда-либо придется в другой раз, но мне все-таки хотелось бы несколько таких моментов осветить и здесь.

Например, когда беседуешь с тов. Лениным по тому или другому вопросу, то он выпытывает у тебя все до мелочей; когда же спросишь, а как он на это смотрит, тов. Ленин не скажет прямо своего мнения, а выскажет несколько предположений, тут же их раскритикует и отвергнет, а когда поставишь вопрос в упор: — „Как же вы то все-таки Владимир Ильич, думаете по этому вопросу?“ — „А вот подождите до решения Центрального Комитета“, — ответит он, или: — „Я лично до решения Центрального Комитета ничего не могу сказать“. На каком-либо совещании или заседании он выслушает внимательно все стороны и, если что для него неясно, выпросит все до мельчайших подробностей и уже потом только высказывает свое мнение. У многих работников есть характерная черточка: сидит на собрании, иногда председательствует, многого не понимает, но спросить у спеца или у товарища, ниже себя стоящего, считает зазорным, конфузным; притворяется, что он все понимает, путает, комкает вопрос и в то же время нос дерет, что он — всезнайка. Тов. Ленин никогда не станет голосовать вопроса, пока он не выяснит его для себя во всех мельчайших подробностях. Характерно для тов. Ленина то, что он никогда не будет

отстаивать сегодня, что отстаивал вчера, если он убедился в обратном.

Мне приходилось очень много сталкиваться с тов. Лениным по вопросу о главкизме. В виду того, что Московский губисполком находился близко к центру, ему-то чаще других приходилось сталкиваться с главными управлениями (главки) промышленности и другими отраслями хозяйства, и Московскому Губернскому исполкому первому пришлось начать борьбу со всеми отрицательными плохими сторонами главков. Мы боролись против того, чтобы главки хозяйничали на местах помимо губернских и городских советов. Московский губисполком стоял за то, чтобы все местные отделы главков и, посылаемые ими на места лица, были бы подчинены местным властям и работали бы под их руководством.

Много по этому вопросу приходилось спорить с главками, в Совнаркоме и, в частности, с тов. Лениным. Критикуя наши предложения, — и часто очень жестоко, — в то же время никогда не было того, чтобы тов. Ленин отмахнулся от вопросов, а, наоборот, очень прислушивался к нашей критике и часто в Совнаркоме поддерживал те или другие наши поправки, направленные, главным образом, против главкизма.

Помню декабрьскую партконференцию в 1919 году, на которой тов. Ленин вместе с т. т. Каменевым, Зиновьевым, Владимирским и другими выступил против тезисов (предложений) Московского губисполкома по советскому строительству. И когда, тем не менее, эти тезисы конференцией были приняты, заметно позиция тов. Ленина изменилась. А когда же на

секции по советскому строительству 7-го Съезда Советов, где присутствовало около полуторы тысячи человек, тов. Ленин, убедившись, что наши тезисы поддерживаются всеми местами против центра, выступил, защищая от нападков в осторожной форме наркомземовское управление совхозами. Он не возражал против наших тезисов, которые и были приняты. Для окончательного редактирования принятых тезисов была выбрана комиссия, в которой после жарких споров по некоторым пунктам, главным образом, управления промышленностью, голоса раскололись. Вопрос на окончательное решение был передан в Цека. Тогда Цека, во главе с тов. Лениным, приехал в Большой театр, где и устроили заседание, на котором точку зрения Московского губисполкома и большинства Съезда, защищали Сапронов и В. Мещеряков.

На этом заседании интереснее всего было то, что т. Ленин не производил формальных голосований тех или других предложений, то есть не делал так: внесено какое-либо предложение, его голосуют и предложение, получившее большинство голосов, становится для всех обязательным, — вопрос считается разрешенным. Нет, Ленин делал так: напишет пункт резолюции, и если он видит, что этот пункт не встречает нашего сочувствия, снова переделывает и так по нескольку раз до тех пор, пока не приходили к соглашению обе стороны. Это происходило не потому, конечно, что Ленин мягкосердечен и добродушен, а потому, что, имея все голоса против нас в Центральном Комитете, он знал, что на секции Съезда Советов, где имеется более тысячи человек, громадное большинство было на нашей стороне. В распоряжении

товарища Ленина было, конечно, средство вынести решение Цека и предложить коммунистической фракции Съезда Советов провести в порядке партийной дисциплины, но, видя настроение секции, (которое было очень бурным), на такую меру не решался.

На этом заседании т. Ленин уговорил нас на большие уступки и очевидно предвидел, что на секции согласованная резолюция гладко не пройдет. Тогда он взял и сунул меня, как защищавшего точку зрения большинства, председательствовать на этой секции и лишь только тогда, когда мне стало трудно справиться с этим бурным заседанием, я понял хитрый маневр т. Ленина, а он сидел рядом и ехидно похихикивал.

Подобных случаев, говорящих о способах и приемах работы тов. Ленина, можно бы привести множество, но повторяем, в данном случае будем говорить только в связи с Горками.

VI.

Надежда Константиновна как-то в одной из газетных статей очень правильно и во-время ругала тех которые рисуют тов. Ленина каким-то аскетом и подвижником. Поскольку мне приходилось сталкиваться с тов. Лениным, я удивлялся, каким это образом он, столь загруженный, успевал пользоваться всевозможными радостями жизни. Я этим не хочу сказать, что тов. Ленин любил роскошь или что-либо в этом роде, — наоборот, в материальном отношении он жил очень скромно. Я не буду описывать этой стороны жизни Владимира Ильича, а, думаю, выражу все, если скажу, что он жил так скромно, что любой из работников мог

бы у него поучиться, как нужно жить в период, когда голоден рабочий класс и нища страна. Но ведь это не есть аскетизм. Тов. Ленин очень любил цветы, деревья, птиц, любил природу вообще. Увлекался Владимир Ильич охотой. Насколько он был хороший охотник, судить не берусь: на охоту мне ходить не приходилось, но, если судить по той дичи, которую наши охотники, бывало, приносили, то неважный. Правда, в этом может быть виною не только охотник, но и отсутствие самой дичи в природе, но от этого не была меньше его страсть к охоте.

При случае Владимир Ильич увлекался играми, например, в городки. У нас в Горках были в моде городки. Многие увлекались ими до бесчувствия. Вдоль аллейки, близ дома отдыха губернских работников, мы устроили площадку для городков и оставшиеся еще после владельца насаженные вдоль аллеи цветы, „варварски“ посшибали палками. Как-то в праздничный день народу на отдых понаехало больше, чем всегда. Затеяли игру в городки. Азарт настолько разгорелся, и все были так увлечены, что на цветы никто не обращал внимания, и их жалкие остатки беспощадно уничтожались бросаемыми палками. Над головами поднятая пыль стояла столбом, а воздух оглашался спорами, криком и гамом. Вдруг открывается калитка и из нее к нам направляются Владимир Ильич, Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Зная, как Владимир Ильич любовно относился к цветам, мы не на шутку струсили, ожидая, что „варварам“, уничтожающим цветы, попадет основательно. И уже стали готовить шуточные возражения. Одни говорили, что цветы ничто в сравнении с городками, другие гово-

рили, что не хотим пользоваться буржуазной роскошью насадим свои цветы и прочее и прочее. Но обороты не потребовалось — тов. Ленин настолько был увлечен общим шумом и гамом, что, очевидно, и не заметил уничтожаемых цветов, а с места в карьер взялся за палки и так же азартно, как и все, начал игру.

Но как только Владимир Ильич начал игру, общие страсти как-то улеглись, шум и гам немного стихли. Все как будто были не то смущены, не то, может быть польщены участием Владимира Ильича в игре. Признаюсь, у меня лично вначале было такое чувство, что его, пожалуй, и неловко обыгрывать. Но тов. Ленин сразу так увлекся и так начал бить, что всех, как говорят, заткнул за пояс. И тут же, шутя, начал над всеми издеваться:— „Какие же вы игроки, я вот только что начал играть и всех обыгрываю“. К интеллигентам Владимир Ильич относился более или менее снисходительно; доставалось рабочим:— „Какие же вы пролетарии; какие же вы игроки, вот, как бейте“! — и засим следует ловкий удар. Тов. Бухарина Владимир Ильич упрекал в том, что он не изжил еще левого ребячества ¹⁾, так как его палка всегда летит от городков влево. Меня упрекал за то, что не успел, мол, уйти с производства и сразу потерял ловкость строительного рабочего:— „Я за это вас перевожу в квалификацию второй руки“. И тут же тов. Ленин всех игроков разбил на игроков первой, второй и третьей руки (термин, употребляемый в строительном

¹⁾ В 1918 году, когда заключался Брестский мир, среди коммунистов многие выступали против Брестского мира. Среди них был товарищ Бухарин. Эта группа, называлась „левыми коммунистами“. Тов. Ленин, выступая против „левых коммунистов“, назвал их точку зрения „левым ребячеством“.

производстве). Игрок первой руки, кажется, оказался только один тов. Ленин, все остальные—второй и третьей.

Остроты и шутки тов. Ленина так всех увлекли, вскоре начался шум и гам такой, что от первоначальной неловкости и следа не осталось. Мы все были с тов. Лениным на „вы“, но во время игры незаметно для себя перешли на „ты“, стали и над ним трунить, смеяться, орали, когда он начинал бить, и мешали ему бить.

Его остроты и шутки вызвали на соревнование и первое настроение—„обыграть неудобно“—испарилось; мы, мол, пролетарии, в грязь лицом не ударим. Вскоре я выбил одним ударом фигуру и, вообще, стал бить ровнее. Он меня добросовестно перевел в игроки первой руки и, вообще, одних переводил из второй в третью, других—наоборот.

С тех пор тов. Ленин стал почти постоянным нашим игроком и всегда с тем же увлечением, как и в первый раз. Но рана от предательского выстрела, а затем какой-то изъязв, кажется, с почками, давали себя чувствовать, и Владимир Ильич стал играть хуже и также добросовестно перевел себя в игроки второй руки; а вскоре играть ему врачи запретили.

Как-то под вечер я взял велосипед и начал кататься по парку. Тов. Ленин некоторое время смотрел с террасы, а затем вышел и говорит:—„Ну-те-ка, дайте, я попробую. В городки вы меня обыгрываете, на велосипеде же наверняка я вас обставлю“. И тут начал делать разные фигуры и, в особенности, очень удачно делал восьмерки¹⁾. А затем начал трунить:—„Попробуйте-ка так, покажите пролетарское искусство“.

¹⁾ Фигура восьмерки описывается на велосипеде на расстоянии 2–3 сажень, что может делать хорошо умеющий ездить на велосипеде.

Я пытался защищаться, что меньше ездить на велосипеде вовсе не характерно для пролетариата. Велосипед пока что принадлежность мелкого буржуа. — „Как?—воскликнул тов. Ленин,—в Швейцарии каждый рабочий и крестьянин имеют велосипеды“. На это я ему возразил, что Швейцария—не пролетарская страна, а мелко-буржуазная. — „Значит, и вы не настоящий пролетарий, раз умеете ездить на велосипеде“, — шутливо ответил тов. Ленин.

VII.

С 1920 года я не жил в Горках, и мне тов. Ленину там больше встречать не пришлось. Во время первой его болезни я заезжал в Горки несколько раз; походишь, бывало, около дома и обратно—в Москву; не решался ни разу зайти: не стоит тревожить, пусть выздоравливает.

Но однажды очень захотелось повидать его. Тов. Ленин уже выздоравливал и начал уже к себе вызывать некоторых товарищей по разного рода делам. Приехал я в Горки, долго ходил по парку, наконец, решился зайти в дом. Встретил там Марью Ильиничну, о чем-то с ней говорил, о чем не помню, да и разговор тогда не клеился; думал, спросить или нет:— „Можно ли повидать тов. Ленина?“ А вдруг это излишне, помешает его выздоровлению. Марья Ильинична, как будто бы угадала мою мысль и говорит:— „Хорошо бы вам с Владимиром Ильичем повидаться, да он сейчас с Серго (тов. Ордженикидзе) занят“. Поял я это, как намек, что лучше не беспокоить и уехал.

Вскоре тов. Ленин встал и принялся за работу. Встречаюсь на заседании Московского Совета:— „А мне

сказали, что вы были в Горках". — „Да был". — „Что же вы не зашли? Что же это такое?"

Недолго тов. Ленин работал после первой болезни, свалился во второй раз, свалился и не встал.

По поручению комиссии ВЦИК по похоронам я руководил постройкой склепа. Склеп и Горки. Невольно провожу сравнение.

1918 год. Кругом кипит борьба, наступают на революцию со всех сторон, наносят ей удары за ударом, революция в опасности, но рабочий класс полон сил и несокрушимой энергии. Вдруг предательский выстрел. Жизнь горячо всеми любимого вождя в опасности, — рабочие батальоны не дрогнули, они еще теснее сомкнули ряды, они крепче сжали винтовки в руках.

Горки. Суедемся, убираем, ремонтируем, приготавливаем. Одно то, что здесь должен выздороветь, набраться сил и снова ринуться в бой с заклятым врагом рабочего класса, мировой буржуазией, великий вождь рабочей революции, воодушевляло и давало сознание, что ты этим маленьким делаешь большое дело. И ты горд сознанием, что здесь поправляется, крепнет физически тот, перед которым дрожит буржуазный мир.

1924 год. Позади годы борьбы. Пролетариат под руководством умелого кормчего прошел все извилины и зигзаги борьбы. Голодный, изнуренный, разутый, раздетый он шел от победы к поражению, от поражения к победе. В результате мировая контр-революция разбита, отступила, но отступила в порядке. Советская власть внутри и вне крепка более, чем когда-либо. Но новые фронты: поднятие социалистического хозяйства, транспорта, возрождения на новых началах деревни, — все это только что начинается, в зародыше.

А в Европе, во всем мире, пролетариат сбит со своих передовых позиций, откуда он штурмовал капитализм. Теперь на него наседают оправившиеся от революции и обнаглевшие капиталисты всех стран. Перед пролетариатом стоит задача снова и снова собирать свои силы еще не для последнего решительного боя: их еще много впереди.

Теперь более, чем когда-либо, нужно умелое руководство того, перед которым трепетала буржуазия и кто был факелом, руководителем борьбы всех угнетенных всего земного шара против этой буржуазии. Его нет.

Рабочий класс понес утрату такую, которую не выразить словами, но рабочий класс не плачет, хотя бы и над такой великой могилой. В момент опускания гроба на пять минут склонили свои знамена, на пять минут замерла, остановилась жизнь всего Советского Союза. В эти пять минут у пролетариев, труженников всего мира как будто остановился пульс, как будто перестало биться сердце. Они хоронили своего вождя.

А затем рабочие батальоны крепко сжали винтовку в своих мозолистых руках, теснее сомкнули ряды и зашагали верной и твердой поступью по верному и намеченному испытанным вождем пути. Из одного рабочего батальона в другой, из края в край, из страны в страну, с одного континента на другой — раздаются мощные призывы:

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь под красными стягами Коммунистического Интернационала, вдохновителем и руководителем которого был и есть Ленин“.

КРЕСТЬЯНЕ!

ВЫПИСЫВАЙТЕ НУЖНЫЕ ВАМ КНИЖКИ
≡≡≡ через Книжную Экспедицию ≡≡≡
„КРЕСТЬЯНСКОЙ ГАЗЕТЫ“.

Заказы на любые книги выполняются **БЫСТРО И ВККУРАТНО**.
Выписывая книги, придерживайтесь следующих правил:

1. В заказе не пишите ничего лишнего. Укажите автора, название книги, количество экземпляров, цену книжки (если она вам известна) и свой точный адрес.

2. Перешлите вместе с заказом стоимость его и стоимость пересылки. (Пересылка от 1 до 3-х книг стоит по 2 коп. за книжку, от 3-х книг и больше по 1 коп. за книжку).

3. Стоимость заказа до 2-х руб. посылайте марками в заказном письме. Свыше двух руб.—денежным переводом. Посылая деньги переводом, заказ напишите на переводе или пришлите к нему.

4. Воздерживайтесь выписывать книги наложенным платежом — невыгодно. Пересылка стоит лишних 20 коп.

5. Адресуйте заказы в Книжную Экспедицию „КРЕСТЬЯНСКОЙ ГАЗЕТЫ“